

RU

Соотношение лексикографического и дискурсивного анализа
в практике проведения лингвистической экспертизы спорного текста

Котов А. А.

Аннотация. Цель исследования – продемонстрировать применение, соотношение и возможные ограничения лексикографического, лексико-семантического, дискурсивного и прагматического анализа при проведении лингвистической судебной экспертизы спорного текста экстремистской направленности. Научная новизна заключается в сопоставлении принципов лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного анализа с учетом описания условий речевой прагматики, креолизованности текста. На примере решения конкретной экспертной задачи, связанной с выявлением экстремистского содержания спорного текста (комментария), демонстрируется применение лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного анализа. Описываются условия речевой прагматики, влияющие на общий энциклопедический и культурный фон адресанта и адресата, формирующие различия в восприимчивости текста. Полученные результаты показали, что в процессе проведения лингвистической экспертизы при описании семантики языковых единиц эксперту необходимо ориентироваться прежде всего на лексикографические данные и при этом учитывать особенности дискурсивной организации текста, его прагматические характеристики.

EN

The relation of lexicographic and discourse analysis
in the practice of forensic linguistic examination of a disputed text

A. A. Kotov

Abstract. The aim of the study is to demonstrate the application, correlation, and possible limitations of lexicographic, lexico-semantic, discourse, and pragmatic analyses in conducting linguistic forensic examination of a disputed text of extremist orientation. The scientific novelty consists in comparing the principles of lexicographic, lexico-semantic, and discourse analysis while accounting for the conditions of speech pragmatics and the creolized nature of the text. Using a concrete expert task – identifying extremist content in a disputed text (a comment) – the paper demonstrates the use of lexicographic, lexico-semantic, and discourse analyses. The work describes the conditions of speech pragmatics that affect the encyclopedic and cultural background of the addresser and the addressee and create differences in text perception. The results showed that, in the process of linguistic expertise, when describing the semantics of linguistic units the expert should primarily rely on lexicographic data while also taking into account the features of the text's discursive organization and its pragmatic characteristics.

Введение

Лингвистическая экспертология (лингвоэкспертология) – одно из новых направлений прикладного языкознания, динамично развивающееся в последние десятилетия. При уже существующей теоретической базе и значительном накопленном практическом опыте количество проблемных вопросов не уменьшается – в том числе по причине не- и рассогласованности между лингвистами-экспертами в методологической сфере. «Роль профессионально выполненной лингвистической экспертизы трудно переоценить, тем не менее не только результаты исследования, но и используемые методы порождают в судах настоящие баталии лингвистов-экспертов <...>» (Галяшина, 2024, с. 71). В существующей лингвоэкспертной практике нередко случаи, когда эксперты-лингвисты в ходе анализа приходят к несовпадающим и даже противоположным выводам, что неприемлемо с позиции принятия процессуального решения в ходе судебного разбирательства.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена: 1) необходимостью создания единой методологической основы, содержащей общие принципы применения лингвистического анализа в практике

проведения лингвистической экспертизы; 2) необходимостью рассмотреть соотношение различных видов лингвистического анализа, используемых для корректного описания семантики языковой единицы при исследовании спорного текста; 3) необходимостью использования анализа условий речевой прагматики в практике проведения лингвистической экспертизы.

Достижение поставленной в исследовании цели решается путем решения следующих задач:

- с опорой на специальную литературу перечислить основные принципы, которые необходимо использовать при описании лексической семантики в практике лингвоэкспертной деятельности;
- обозначить границы дискурсивного и прагматического анализа (анализа условий речевой прагматики);
- на основе анализа лексической семантики спорных номинаций «оккупант» и «полицай» в рамках решаемой экспертом конкретной задачи продемонстрировать применение и соотношение лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного методов;
- продемонстрировать важность применения анализа условий речевой прагматики как дополняющего и конкретизирующего дискурсивный анализ;
- утвердить принцип необходимости совместного использования лексикографического, лексико-семантического, дискурсивного и прагматического анализа в их взаимном дополнении с сохранением исходного приоритета лексикографического анализа.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: метод сопоставительного теоретического анализа (при формулировании принципов описания лексической семантики языковых единиц); сравнительно-описательный (при разграничении методов дискурсивного и прагматического анализа); лексикографический метод, метод лексико-семантического и дискурсивного анализа (при формулировании лексической семантики номинаций, необходимых для определения статуса высказывания-призыва в составе спорного текста); метод прагматического анализа речевой ситуации.

В качестве материалов исследования использовались лингвистические экспертные заключения, данные различных толковых словарей и словарей разговорного и жаргонного языка, специальная учебная литература по лингвистической экспертиологии.

Теоретическую базу исследования составляют специальные работы в области теории дискурса (Арутюнова, 1990; Степанов, 1995); общей теории и базовых методик, используемых при проведении лингвистической судебной экспертизы (Баранов, 2009; Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010; Бринёв, 2020; Галяшина, 2003; 2024; Кукушкина, 2022; Осадчий, 2016; Никишин, 2022); специфики описания лексической семантики языковой единицы при проведении лингвистической судебной экспертизы (Крысин, 2008; Стернин, 2010; 2012; 2017); применения лексикографического и дискурсивного анализа в лингвистической экспертиологии (Денисова, 2009; Дускаева, 2020; Крысин, 2008); разграничения дискурсивного анализа и анализа лингвистической (речевой) прагматики (Сулейманова, Борботько, 2024).

Практическая значимость исследования заключается в использовании полученных результатов в практике проведения лингвистических судебных экспертиз спорных текстов, чтобы избежать возможных ошибочных выводов; при изучении специальных курсов «Лингвистическая экспертиология», «Лингвистическая семантика», «Лингвистическая прагматика».

Обсуждение и результаты

В современной практике проведения судебной лингвистической экспертизы активно используется дискурсивный анализ как отдельных речевых фрагментов, так и текста в целом; описание авторского (или иного другого – в зависимости от решаемой экспертом задачи) дискурса является необходимым при анализе текстов коррупционной и националистически-экстремистской тематической направленности (Денисова, 2009; Доронина, 2015; Дускаева, 2020; Никишин, 2022).

В отечественной лингвистической традиции в большинстве специальных работ, посвященных проблеме дискурсивного анализа, в качестве исходного рассматривается определение Н. Д. Арутюновой, которое в силу его активного использования часто называют хрестоматийным: «Дискурс – *связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте*; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). ... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» (1990, с. 136-137). В плоскости проведения лингвистической экспертизы обратим внимание на выделенный нами курсивом фрагмент: дискурсивный анализ *предполагает обязательную связь с экстралингвистической ситуацией*, в которую погружен (точнее говоря, в которой функционирует) рассматриваемый экспертом-лингвистом текст, а также учет событийного контекста.

Приведем еще одно, принципиально важное, по нашему мнению, высказывание Ю. С. Степанова относительно дискурса: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» (1995, с. 44-45).

Ранее (Котов, 2025) мы говорили о том, что среди общих задач лингвистической экспертизы на первом месте должны быть: 1) «установление значений языковых единиц, выявление и экспликация смысла высказывания или текста»; 2) «установление объема и содержания понятия, выражаемого словом, словосочетанием»

(Галяшина, 2021, с. 78; Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010; Баранов, 2009; Бринёв, 2020). На уровне высказывания/комментария/текста выявление и описание семантики языковой единицы большей, чем слово, по объёму всегда базируется на лексической семантике составляющих эту единицу слов, поэтому методы лексикографического анализа и лексико-семантического анализа должны использоваться практически в любой лингвистической экспертизе.

Актуальным является вопрос о том, каким образом следует корректно и непротиворечиво описывать семантику слова и/или выражения с учетом того, что в современной практике лингвоэкспертной деятельности правоприменителей часто интересуют негативно-оценочные номинации человека по национальному, религиозному, социальному и иному признаку, выполняющие роль объекта действия в высказываниях, содержащих призывы (Кузнецов, Оленников, 2014; Кукушкина, 2022; Никишин, 2022; Плотникова, 2018).

Мы опираемся на мнение И. А. Стернина, который полагал, что среди «основополагающих принципов описания семантики языковых единиц в ходе экспертного исследования спорного текста, которые должны лежать в основе любого экспертного лингвистического исследования», важнейшими являются следующие: «1. Учет многозначности слов и выражений. 2. Учет контекста употребления спорного слова или выражения. 3. Учет ситуации употребления спорного слова или выражения. 4. Учет реального языкового сознания рядового носителя языка» (2017, с. 202).

Обратим внимание: на первое место И. А. Стерин выдвигает собственно *семантический* принцип учета многозначности слов и выражений; однако, если обратиться к приведенным выше определениям дискурса Н. Д. Арутюновой и Ю. С. Степанова, необходимо признать, что пункты № 2 – № 4 из перечня принципов описания семантики языковых единиц отсылают нас к *дискурсивному анализу* и, более того, явно выходят за его границы в зону *лингвистической прагматики*. Возникает следующий, не менее проблемный вопрос: каким образом соотносятся дискурсивный анализ и речевая прагматика и как это следует учитывать в практике проведения лингвистической экспертизы?

Специальные исследования на эту тему немногочисленны; приведем важное, по нашему мнению, положение из одной из последних (по времени публикации) работ: «Прагматика сосредоточена на параметрах места, времени, отношениях между участниками, ... тогда как в дискурсивном анализе вскрывается воздействие различных факторов на речепорождение» (Сулейманова, Борботько, 2024, с. 923).

Из практики нашей экспертной деятельности на примере анализа текста экстремистской направленности продемонстрируем возможное соотношение лексикографического, лексико-семантического и дискурсивного анализа с учетом условий речевой прагматики.

Эксперту для проведения исследования были предложены несколько комментариев, оставленных пользователем с одним никнеймом в социальных сетях, пабликах и на нескольких специальных форумах. Среди общего массива высказываний повторялся один комментарий следующего содержания: *«Если для тебя дорога родина, то почему топнешь за оккупантов? Или всерьёз считаешь, что Ротенберги и подобные им и полицаи – это тоже часть родины? Их надо гнать, это в купе – хунта!»*.

Перед экспертом были поставлены вопросы в следующей формулировке:

1. Имеются ли в приведенном комментарии высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо агрессивных, враждебных или насильственных действий, в том числе направленных на захват, свержение власти?

2. Если имеются, то каких именно, против кого они направлены?

При ответе на поставленные вопросы эксперт должен был решить две задачи: 1. Выявить и описать высказывания, содержащие призывы. 2. В составе указанных высказываний описать объекты, на которые направлено (распространяется) действие призыва. При этом следовало учитывать, что контексты размещения (публикации) комментария различны.

Контекст № 1. Комментарий опубликован в запрещенной социальной сети в сообществе «ПРОТИВ СИСТЕМЫ» под записью «Вот так выглядит фашизм?», под которой размещена фотография людей в форме – предположительно сотрудников правоохранительных органов (через «Яндекс поиск» была найдена ссылка на электронный ресурс, содержащий указанное фото с полным описанием, в котором упоминаются сотрудники полиции). Комментарий является реакцией на предшествующий комментарий другого пользователя: *«Я гражданин России», «Той России, которая мне Родина»*.

Это поликодовый креолизованный текст, «образованный кодами различных семиотических систем» и имеющий «большой потенциал объяснительной семантики» (Функционально-смысловые единицы речи..., 2017, с. 193). Взаимодействуя друг с другом, вербальный и изобразительный элементы обеспечивают целостность и связность текста, его коммуникативный эффект. Вербальные и изобразительные элементы связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровнях. В креолизованном тексте часто используется ситуативный фрейм, который базируется на имеющихся в сознании носителей языка знаниях об окружающей действительности, в том числе миропорядке, структуре социума, вследствие чего носитель русского языка может исходить из такого представления ситуации, которое формируется изобразительным элементом, и сопровождающий его текст будет интерпретироваться в соответствующем смысловом ключе (Валгина, 2003, с. 118–119).

Контекст № 2. Комментарий опубликован в запрещенной социальной сети на странице другого пользователя под записью «Война: тогда и сейчас» как реакция на предшествующий комментарий: *«Во все времена в России и в войну 1941–1945 года, были защитники и предатели, 80 лет назад и сейчас!»*.

При ответе на первый вопрос эксперт исходил из следующих соображений. В составе комментария содержится высказывание *«Их гнать и вешать, это в купе – хунта»*; формальным языковым показателем (маркером) призыва является использование инфинитивной конструкции *«гнать и вешать»* в сочетании с личное указательным местоимением *их* в форме винительного падежа множ. числа (со значением прямого объекта действия). Инфинитивные конструкции в сочетании с императивной интонацией рассматриваются специалистами как «прямые формы выражения призыва» (Стернин, 2010, с. 12; Баранов, 2009, с. 438).

Основываясь на имеющихся лексикографических данных (толкованиях глаголов *«гнать»* и *«вешать»*), с учетом условий контекста эксперт пришел к выводу о том, что в рамках рассматриваемого комментария глагол *«гнать»* используется в значении *«прогонять прочь, выгонять откуда-л. – принуждать удалиться откуда-либо»*, глагол *«вешать»* – в значении *«подвергать смертной казни через повешение»*.

В роли объекта, на который распространяется действие призыва, используется местоимение *их*, которое в рассматриваемом нами комментарии выполняет анафорическую функцию, соотносится к предшествующим контекстом и отсылает к ранее использованным номинациям *оккупанты, Ротенберги, полицаи*: *«Если для тебя дорога родина, то почему топнешь за оккупантов? Или всерьёз считаешь, что Ротенберги и полицаи – это тоже часть родины? Их гнать и вешать, это в купе – хунта!»*.

Мы оставляем без обсуждения вопрос о референциальном статусе номинации *Ротенберги*, используемой в особом обобщенно-нарицательном значении (по образцу *Плюшкины, донкихоты* и под.), поскольку, как показывает практика, разные эксперты скорее всего ответят на него по-разному; по нашему мнению, по условиям общего контекста размещения комментария и с учетом его дискурсивных характеристик говорить даже об обобщенно-референтном значении в данном случае можно лишь в вероятностном модусе.

Обратимся к номинациям *«оккупант»* и *«полицай»*; в лексической системе современного языка они не имеют статуса ни новых, ни окказиональных единиц, фиксируются различными словарями. Приводим толкования слова *«оккупант»*, взятые из нескольких авторитетных лексикографических источников:

ОККУПА'НТ, -а, м. Тот, кто участвует в оккупации. [*Парижане*] согласны умереть, лишь бы выгнать из Франции ненавистных оккупантов. Эренбург, Зарево (Словарь русского языка, т. 2, 1983, с. 606).

ОККУПАНТ, -а; м. Тот, кто участвует в оккупации; захватчик. *Восстать против оккупантов. Освободить страну от оккупантов. Оккупантский*, -ая, -ое. *О-ие планы* (Большой толковый словарь русского языка, 2008, с. 708).

ОККУПАНТ, м. 1. Участник, оккупации, захватчик (Ефремова, т. 2, 2006, с. 446).

ОККУПАНТ, -а, м. Человек, который находится на военной службе и в ходе боевых действий оказывается в составе захватнической армии на территории какого-нибудь государства. *В Минске по улице расхаживали оккупанты – не те, кто брал город, а те, кто будет поддерживать в нем истинно немецкий порядок* (Большой толковый словарь русских существительных..., 2005, с. 465)

ОККУПАНТ, а, м., одуш. Участник оккупации (в 1-ом знач.), захватчик (Крысин, 2007, с. 537).

ОККУПАНТ, -а, м. Участник оккупации, захватчик. *Изгнание оккупантов* (Толковый словарь русского языка с включением сведений..., 2008, с. 561).

На основе приведенных лексикографических данных формулируем значение номинации «оккупант» следующим образом: «Оккупант – захватчик, находящийся на насильственно занятой чужой территории какого-л. государства чужой территории». Содержание комментария и условия общего контекста (комментарии других пользователей немногочисленны и не содержат дополнительной информации) не позволяют нам сделать определенный вывод о том, кого именно автор комментария понимает/подразумевает под «оккупантами».

Дискурсивный анализ может дать нам следующий вариант, основанный на метафорическом переосмыслении: «Оккупанты – это определенная группа людей, которые захватили власть в России». Но это прочтение имеет вероятностный характер: мы не располагаем достаточным объемом лингвистических и внелингвистических данных, чтобы сделать объективный вывод о том, каково семантическое (смысловое) содержание слова «оккупанты» в плоскости поставленных вопросов.

Слово «полицай» системно фиксируется как общими толковыми, так и специальными словарями разговорного, жаргонного языка. Однако если мы внимательно посмотрим на представленные ниже лексикографические данные, то обнаружим, что в подавляющем большинстве толкования отсылают нас к эпохе Великой Отечественной войны, точнее – к языку (дискурсу) той эпохи и сформированному в сознании нескольких поколений носителей русского языка представлению о том, кто такой «полицай» в исторической перспективе развития русского языка в XX веке: «Человек, служивший в фашистской полиции на оккупированных территориях, завербованный из числа местных жителей». Исключением служат немногочисленные электронные ресурсы, в частности «Викисловарь», который отражает особенности современного узуса и поэтому в практике проведения лингвистической экспертизы часто используется как источник данных.

ПОЛИЦАЙ, -я; м. *Презрит[ельное]*. Полицейский, завербованный из числа местного населения на службу в фашистскую полицию (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны). *Служить в полициях, полицаем. Пойти в полицаи. Лагерные полицаи* (Большой толковый словарь русского языка, 2008, с. 903).

ПОЛИЦАЙ, -я, м. (*презр[ительное]*). Во время Великой Отечественной войны во временно оккупированных районах: местный житель, служащий в фашистской полиции. *Служил в полициях* (Толковый словарь русского языка с включением сведений..., 2008, с. 687).

ПОЛИЦАЙ, -я, м. *Разг. Презр[ительное]*. Полицейский, завербованный из числа местного населения (на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны). *Солдаты охраны и лагерные полицаи, завербованные из предателей, иногда нарочно топтались над этими норами, обваливая их и превращая в могилы, где люди оказывались заживо похороненными*. С. С. Смирнов, Брестская крепость (Словарь русского языка, т. 2, 1983, с. 262).

ПОЛИЦАЙ м. 1. Местный житель, служивший в фашистской полиции (во время Великой Отечественной войны во временно оккупированных районах) (Ефремова, т. 2, 2006, с. 862).

ПОЛИЦАЙ

1. *истор[ическое]*. во время Великой Отечественной войны во временно оккупированных районах – местный житель, служащий в гитлеровской полиции ♦ Я знал, кто выходит из дома рано, а кто склонен припоздниться. К примеру, **полицай**, когда работал в дневную смену, выходил очень рано. Почтальон – вообще чуть ли не затемно. Владелец продуктовой лавки и зеленщик тоже открывали свои заведения спозаранку. Ури Орлев, «Остров на Птичьей улице» / пер. с иврита Байбиковой Елены, 2020 г.

2. *жарг[онное]*. сотрудник полиции ♦ – Хомутов был человек с биографией. Бывший **полицай**. И не просто **полицай**, а начальник криминального отдела полиции в Гродно. Эдуард Хруцкий, «Осень в Сокольниках», 1983 г.) (<https://ru.wiktionary.org/wiki/полицай>).

Мы наблюдаем определенное (и вполне ожидаемое) рассогласование между лексикографическими источниками и практикой использования слова в современном жаргонно-сленговом дискурсе, о чем писал Л. П. Крысин (2008, с. 262–263). Следует заметить, что в трех источниках, один из которых – авторитетный «Толковый словарь русской разговорной речи» (2020) под ред. Л. П. Крысина, фиксируется иное значение – «*полицейский, служащий полиции*».

ПОЛИЦАЙ

1. DEF: местный житель, во время Великой Отечественной войны служивший в фашистской полиции на оккупированных территориях СССР. ... *Уважаемые люди. Как правило, бывшие полицаи выдавали себя за участников войны...* (Блоги, 2013–2017).

MORPH: м., одуш.

STYL: *истор[ическое]*, *презр[ительное]*.

2. DEF: полицейский (служащий полиции). *Как всегда / с утра уже полицаев нагнали // Больше чем людей // И автозаки здесь* // (Запись устной речи, 2017) ...

MORPH: м., одуш.

STYL: *пренебр[ежительное]*.

SYN: коп, легавый, мент, ментяра, мильтон, мусор, фараон (Толковый словарь русской разговорной речи, т. 3, 2020, с. 224–225).

ПОЛИЦАЙ, -я, м. *Ирон[ичное]*. Милиционер. Возм[ожное] парод[ирование] нем[ецкого] (Елистратов, 2005, с. 306).

ПОЛИЦАЙ

1. *истор[ическое]*. во время Великой Отечественной войны во временно оккупированных районах – местный житель, служащий в гитлеровской полиции ♦ Во время войны здесь свирепствовали **полицаи**.

2. *жарг[онное]*. сотрудник полиции ♦ Его **полицаи** замели (<https://kartaslov.ru/значение-слова/полицай>).

Для контекста № 1 с учетом его поликодовости мы можем сделать однозначный вывод о том, что слово «полицай» используется в значении «*сотрудник полиции (МВД) России*»; для такого вывода имеются внелингвистические и собственно лингвистические признаки.

Для контекста № 2 сделать однозначный вывод не представляется возможным: с учетом общего контекста обсуждения и особенностей формируемого дискурса возникает вопрос о восприятии слова «полицай» носителями русского языка старшего поколения, в языковом сознании которых данное слово будет связано прежде всего с периодом оккупации территорий Советского Союза во время Великой Отечественной войны (что, заметим, отражено во всех печатных словарях). Мы исходим из того, что номинация «полицай» используется в переносном метафорическом значении и сформулировать ее следует с учетом отсылки к дискурсу эпохи Великой Отечественной войны: полицай – «*сотрудник полиции, который ведет себя подобно местным жителям, служившим в гитлеровской полиции на оккупированных территориях во время Великой Отечественной войны*». При таком прочтении имеет место актуализация имеющегося в высказывании семантического компонента «оккупация», что в принципе соответствует авторскому дискурсу.

При проведении анализа в подобной ситуации, по нашему мнению, эксперту следует учитывать категорию «воспринимаемости» текста, которая «отражает деятельность автора как создателя текста и читателя или слушателя/собеседника как интерпретатора смысла текста» (Текст..., 2011, с. 121). При этом «владение адресантом и адресатом идентичными кодами» влияет на передачу смысла высказывания/сообщения (Текст..., 2011, с. 121). Возникает вопрос: насколько адресант (автор комментария) и потенциальные адресаты совпадают в этом коде, который может включать не только языковой опыт, но и обширные фоновые знания, связанные в том числе с личным опытом, а также (в формулировке Ю. М. Лотмана) «единство представлений о норме, языковой референции и прагматике» (Текст..., 2011, с. 121)?

Эксперт-лингвист не может дать исчерпывающий ответ на все вопросы, но он может на основе анализа речевых произведений (текстов), созданных адресантом и адресатом, охарактеризовать их дискурс с обязательным учетом прагматических особенностей, и в этом случае «дискурсивный анализ позволяет адресату успешно декодировать сообщение, а исследователю и автору – спрогнозировать восприятие послания адресатом» (Сулейманова, Борботько, 2024, с. 926).

Относительно рассматриваемого комментария эксперт пришел к выводу, что в его составе имеется лозунговое обращение «*Их гнать и вешать, это в купе – хунта!*»; это призыв-лозунг к неопределенному кругу адресатов, которые в данном случае деперсонифицированы, с тем, чтобы *адресаты осуществляли агрессивные, насильственные действия в отношении сотрудников полиции (МВД) России, – прогоняли прочь, выгоняли,*

принуждали удалиться с территории России, а также подвергали смертной казни через повешение. Данный призыв-лозунг является оценочно-мотивированным, поскольку в нём приписываются отрицательные (негативные) характеристики объектам, на которые распространяется действие призыва (*оккупанты, полицаи, хунта*); это призыв инклюзивного действия, который «не исключает говорящего из будущей деятельности» (Баранов, 2009, с. 421). При этом эксперт обратил *особое внимание* на различия в фигурах (образах) объекта действия – в зависимости от условий речевой прагматики с опорой на контекст размещения комментария.

Ранее при анализе негативно-оценочной этнической номинации «жид» (Котов, 2025) мы говорили о том, что «единственным источником *объективного*, насколько это возможно, представления языка для его носителей является словарь» (Котов, 2025, с. 1792), что лексикографический анализ должен быть *приоритетным* в сравнении с дискурсивным. Это справедливо в отношении номинации «жид» и иных подобных ей этнофоллизмов; в отношении рассматриваемых номинаций «*оккупант*» и «*полицай*» дискурсивный и прагматический анализ являются *обязательными* наряду с лексикографическим и лексико-семантическим.

Использование в практике проведения лингвистической экспертизы лексикографического, лексико-семантического, дискурсивного и прагматического анализа в их *взаимодополняющем и непротиворечивом сочетании* позволяет получить объективные, насколько это в принципе возможно при анализе речевого произведения, результаты, которые не вызовут неприятия и не станут предметом «дальнейших баталий» лингвистов-экспертов.

Заключение

На основании изложенного выше мы приходим к следующим выводам. Проведение лингвистической экспертизы, являющейся специальным исследованием продуктов речевой деятельности как особых феноменов, предполагает использование разнообразных методов анализа, разработанных лингвистической наукой. При всей кажущейся внешней простоте восприятия носителями языка значений слов, высказываний на их основе в процессе постоянной повседневной коммуникации (иными словами, интуитивной понятности языка его носителями), как показывает практика, восприятие одного и того же речевого отрезка может быть совершенно различным в зависимости от коммуникативных, дискурсивных, общекультурных и иных параметров, характеризующих адресанта и адресата. Эксперт-лингвист не может описать возможный оказываемый текстом на потенциального адресата эффект, однако он может провести анализ семантики языковых единиц с учетом указанных выше параметров.

При проведении исследования эксперт-лингвист должен: во-первых, опираться на лексикографические данные; во-вторых, использовать дискурсивный анализ как дополняющий лексикографический; в-третьих, в случае необходимости учитывать особенности речевой прагматики, включающей разнообразные сведения об участниках коммуникации, в том числе их общий энциклопедический и культурный фон, которые влияют на восприятие текста.

Перспектива исследования заключается в дальнейшей разработке вопросов, связанных с соотношением лексикографического, дискурсивного и прагматического анализа при описании семантики языковых единиц в практике проведения лингвистических экспертиз с целью получения объективных и непротиворечивых выводов.

Материалы исследования | Research materials

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: учебное пособие. Изд-е 2-е. М.: Флинта: Наука, 2009.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
4. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие для студентов вузов по специальностям 021500 – Изд. дело и редактирование, 021600 – Книгораспространение и направлению 520700 – Кн. Дело. М.: Логос, 2003.
5. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021.
6. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-Пресс: АСТ-Пресс Книга, 2005.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2007.
9. Словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-1984.
10. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учебно-научное пособие / под ред. проф. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011.
11. Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2020. Вып. 3. П-Р.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010.

3. Бринёв К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. Изд-е 4-е, стер. М.: ФЛИНТА, 2020.
4. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: монография / под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003.
5. Галяшина Е. И. Отличительные особенности судебной лингвистической экспертизы современного медиа-текста // Юрислингвистика. 2024. № 34.
6. Денисова А. В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы (на материале «языка вражды»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2009.
7. Доронина С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).
8. Дускаева Л. Р. Дискурсивный анализ текстов националистической направленности в практике проведения лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.5>
9. Котов А. А. Роль лексикографического анализа в практике проведения лингвистической экспертизы спорного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025 Т. 18. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20250253>
10. Крысин Л. П. Нормативные словари как инструмент лингвистической экспертизы текста // Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.
11. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
12. Кукушкина О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-245-7-2022-11>
13. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М.: Проспект, 2022.
14. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. Изд-е 3-е, стер. М.: Либроком, 2016.
15. Плотникова Л. М. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие / под ред. профессора С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
16. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
17. Стернин И. А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. Воронеж: Гарант, 2010.
18. Стернин И. А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-202-207>
19. Стернин И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике // Психолингвистика и лингвоконцептология. 2012. Вып. 5.
20. Сулейманова О. А., Борботько Л. А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21 (4). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.409>
21. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / под общ. ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2017.

Информация об авторах | Author information

Котов Андрей Александрович¹, к. филол. н., доц.
¹ Петрозаводский государственный университет

Andrei Aleksandrovich Kotov¹, PhD
¹ Petrozavodsk State University

¹ andrewcot1972@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.11.2025; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): лингвистическая экспертиза; лексическая семантика; речевая прагматика; креолизованный текст; forensic linguistic examination; lexical semantics; speech pragmatics; creolized text.